

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Фамильные ценности
Двойная жизнь
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользкий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Роя»

ОЛЕГ
РОЙ

Обещание нежности
роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблочкиса*

Рой, Олег.

Р65 Обещание нежности : роман / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Капризы и странно-
сти судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-92805-7

Трудно Андрею Сорокину жить обычной жизнью, если с младенчества он видит чужие мысли. Взросление и развитие его способностей приносит горе не только ему, но и его близким. Изломанные судьбы, предательство и смерть лучших друзей, потерянное имя — следствие его дара. Хватит ли у Андрея сил доверять людям так же, как доверяли ему дельфины в научной лаборатории теплого южного города?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92805-7

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Мартовское солнце ударило в сияющие, чисто вымытые окна маленькой кофейни на Тверской с такой неожиданной силой, что люди, сидевшие за столиками, восторженно заулыбались негаданным солнечным зайчикам на своих белых фарфоровых чашках. Это был первый проблеск тепла в истощенную слякотью, хмурюю, уставшую Москву. Посетители расслабленно щурились, с удовольствием подставляя солнечным лучам лица, покрытые легким, дорогим, но искусственным заггаром. Весна... Солнце... Это было так чудесно! А потому незаслуженным оскорблением, нелепым посягательством на их права показалась людям странная фигура, внезапно появившаяся у окна со стороны улицы и загородившая солнце.

Эта фигура не имела ничего общего с respectableм, элегантным фасадом главной улицы столицы. До смешного долговязый (явно больше двух метров), до неприличия грязный и оборванный человек оскорблял даже взор собрата-бомжа, вы-

Олег Рой

лезшего на Тверскую, потому что сквозь его лохмотья проглядывало не только немытое, но и покрытое язвами тело, а лицо и руки были обезображены многочисленными порезами и ожогами. Он был поистине страшен, этот осколок какой-то неведомой, наверняка криминальной, трагедии, и благополучные посетители кафеотреагировали на его появление единственно возможным способом: они отвернулись, не желая испытывать чувство стыда и неловкости.

Какая-то женщина тихонько вскрикнула, сидевший прямо у окна хорошо одетый господин торопливо замахал на бомжа рукой, нетерпеливыми жестами приказывая ему отойти прочь, но оборванец не замечал этих жестов или же не понимал, что его гонят. Жадно вытянув шею, разглядывая разноцветные столики, аппетитные пирожные на тарелках и цветущие веточки в маленьких вазочках — неперменные атрибуты богатой, изысканной жизни, — он точно вбирал в себя недоступные ему образы и ароматы, чтобы представить себя на месте этих людей, столь же далеких от него, как если бы это были марсиане. Человек явно озяб и был голоден; он смотрел на чистенький и ухоженный мир кофейни как на уголок давно потерянного рая, вновь обрести который для него было, пожалуй, совершенно невозможно.

— Эй, ты, быдло! Ты что, не слышишь меня?

Грубый окрик за спиной заставил бы вздрогнуть и обернуться кого угодно, но только не этого странного бомжа. Те-

перь этот человек, возраст которого с трудом поддавался определению, был занят совсем уж невыносимым занятием: он поднял вверх худую правую руку, сложил пальцы так, как делают, держа хрупкую чашечку, опасаясь ее повредить, и, кивая головой, подносил воображаемый кофе ко рту. Если бы молодой сержант милиции, который подошел к нему уже вплотную, обладал психологическим чутьем, он сумел бы по скупому, не вытравленному до конца изяществу жестов догадаться, что бомж этот знал лучшие времена и что пальцы его помнят вес фарфора, а потому и передают ритуал застолья так бережно. Но стражу порядка, «при исполнении обязанностей», было наплевать на все эти ненужные тонкости, и почти детская, трогательная игра голодного человека только обозлила его.

— Я тебе уже битый час ору, — громко и недовольно сказал милиционер, остановившись наконец прямо перед нарушителем и чуть покачиваясь на широко расставленных ногах. — Какого хрена ты вылез на эту улицу из своих вонючих подвалов? Что шляешься? Может, теракт готовишь? — И он сам усмехнулся своему предположению: таким бессмысленным оно показалось.

Бомж ничего не ответил. Он смотрел прямо на сержанта спокойным, чуть удивленным взглядом, в его глазах, казалось, плескались синие волны, и что-то теплое вдруг мелькало при взгляде на собеседника, на улицу, на проходящих мимо лю-

дей. Как ни странно, он не выглядел испуганным, скорее непонимающим.

— Ты что, не слышишь меня, что ли? — невольно сбавил обороты милиционер, голос его зазвучал тише и мягче. — Ты, может быть, совсем идиот? Тогда тебе тем более нечего на Тверской делать. Иди, иди себе... — И он начал тихонько наступать на бомжа, тесня его в сторону полукруглой арки в переулок.

Но тот стоял по-прежнему неподвижно, словно не замечая ни угрожавшей дубинки, ни нервно шарахающихся в стороны людей. Молодая дама в шубке из голубой норки брезгливо подобрала полы одежды и нарочито опасливо прижала к груди дорогую сумочку — этот жест окончательно решил судьбу бомжа. Милиционер не мог больше позволить ему находиться здесь, а потому, вздохнув с непривычным и непонятным ему самому сожалением, вызвал по рации наряд.

Патрульная машина подкатила так быстро, как будто ждала вызова на соседнем перекрестке. С любопытством остановившаяся неподалеку старушка, удовлетворенно кивнув головой при виде наряда, забормотала себе под нос: «Ведь могут же работать, когда захочут...» — и заковыляла в сторону Кремля. Неторопливо вылезший из машины старший чин окинул все еще неподвижную фигуру брезгливым взглядом:

— Из-за него, что ль, звал? Этого забирать?

— Этого, товарищ старшина! — гаркнул милиционер, кру-

тившийся рядом с застывшим на месте бродягой. — Смотрите, какой он... ужас прям!

— М-да... Нет, эту тварь я в машину не пущу. Кто после него салон будет хлоркой отмывать? Гони его с Тверской, да и все тут.

— Как гнать-то? — жалобно протянул сержант, сдвигая на вспотевший лоб вмиг ставшую тесной форменную ушанку. — Он не реагирует ни на что, молчит, не двигается... Малахольный какой-то. И кожа вся в язвах, видели?

Старшина, только сейчас в подробностях разглядевший скорбную фигуру, присвистнул от изумления и протянул:

— Ну и ну! Прокаженный, что ли? Ты его хоть руками-то не трогал, баран?

— Нет, — покачал головой милиционер, — не трогал.

— Ну и ладно. Давай-ка мы его в переулочек, в переулочек, и с глаз долой. Нечего добропорядочных граждан смущать. Нечего, нечего, гражданин, идите себе...

И они, привычно и скорее для проформы, нежели с подлинной злостью, матерясь, начали теснить нелепую высоченную фигуру в лохмотьях в арку. Бомж, наконец уразумев, чего от него хотят, закивал головой и покорно двинулся прочь с центральной улицы. Однако, зайдя в арку, остановился, прислонился к стене и снова замер, обхватив свои плечи и дрожа всем телом.

Зубы его выбивали ритмичную дробь, сердце замирало и

Олег Рой

ухало, точно скатываясь в пропасть. Ему было холодно и одиноко. А самое страшное было то, что бомж не помнил, как оказался здесь, в Москве, и что с ним случилось в том городе, который он привык считать родным. Все это время он с замиранием сердца ждал, что милиция станет спрашивать его, откуда он взялся, как попал сюда, а он не сможет ответить на этот простой вопрос, потому что сам не знает. Но, как выяснилось, подробности его биографии никому не были интересны, главное, чтобы он не пугал своим видом посетителей нарядных кофеев... И, глядя в спину уходившему наряду почти с тоской — все-таки это были люди, хоть на мгновение проявившие к нему интерес, — бомж снова двинулся по Тверской.

Он хотел добраться до какого-нибудь подземного перехода и присесть хоть бы на полчаса: ноги уже отказывались держать его, колени словно одеревенели. Может быть, ему подадут какую-нибудь еду: он сам видел, как иногда сердобольные старушки кидают нищим не деньги, а сосиску или кусок булочки. Непроизвольно сглотив слюну при этой мысли, бомж быстро и уже не заглядываясь на сверкающие витрины зашлепал по чавкающей мостовой. Ноги тонули в московской грязи, брызги разлетались во все стороны, и, заметив, что солнце уже скрылось за тучами, он невольно усмехнулся появившейся неожиданно мысли: неужели даже весна здесь, на Тверской, выдается только за деньги? Тем, кто сидит в дорогой кофейне, — пожалуйста — солнышко. А тем, кто нищ и бездомен...

Но додумывать эту мысль было неприятно, и, вздохнув, бомж оставил свои философствования.

Где-то здесь, совсем рядом, — он помнил это хорошо, — должен быть вход в подземку. И в самом деле, буквально через пару минут он обнаружил перед собой круто спускающуюся лестницу и, не помня себя от радости, рванул вниз, в гулкий, сырой, заполненный чужими голосами и лицами туннель.

Прямо перед ним засияли витрины подземного магазина. Наученный горьким опытом, человек испуганно отшатнулся от сверкающих стекол в сторону и, найдя наконец в переходе относительно укромный уголок, с кряхтением уселся на пол. Прямо над ним пестрела огромная театральная афиша; наискосок девушка продавала весенние цветы; напротив, за продуктовым киоском, хвастливо выставившим в ряд кондитерские изыски, сидел одноногий нищий, небрежно привалившись к стене, а совсем рядом с ним упоенно ковырял в носу какой-то малыш, разглядывая шоколадки... У бомжа тоже когда-то был маленький брат... младший... тоже любил конфеты... Неясное воспоминание — отзвук далекой, неправдоподобно прекрасной жизни — мелькнуло и тут же исчезло, перебитое реальным, грубым, но зато таким обнадеживающим звуком: звонком монетки у его ног. Монетка кружилась, звенела и пела, и, словно в полусне, он протянул к ней руку — нет, не к ней, а к тому, что она воплощала в себе: к еде и теплу, защищенности и свету...

Олег Рой

Дальше все произошло в мгновение ока. Рослый хромоногий парень в камуфляже, примостившийся было по соседству с бомжем и аккуратно поставивший перед собой для сбора денег перевернутую шапку, теперь, не говоря ни слова, навалился на незнакомца и принялся выламывать ему руки, пытается добраться до жалкой монетки. Деловито сопя, он колотил соседа по голове и спине, не выказывая, впрочем, признаков особого озлобления и лишь повторяя:

— Это мое место. Понял? Мое место...

Бомж молчал, но истово сопротивлялся. Он совсем ослабел от своих долгих мытарств, но знал, что ослабеет еще больше, если сейчас отдаст монету. Ведь тогда его точно прогонят отсюда и он не сможет поесть... А его противник тем временем нажимал все сильнее, по-прежнему приговаривая:

— Это мое место. Я всегда здесь сижу. Отдай деньги.

Возможно, еще немного — и человек перестал бы бороться, потому что борьба уже казалась ему бессмысленной. Но помощь пришла, откуда не ждали, и он услышал над собой тягучий, прокуренный, немного гнусавый голос:

— Оставь его, Серый. Пусть сидит с нами. Не обеднеем.

Одноногий старик, давно наблюдавший за новеньким из своего угла за ларьком, теперь приковылял к месту схватки и заговорил тоном человека, не привыкшего к возражениям.

— Но я всегда здесь сижу. Это мое место, — возразил парень.

— Оставь его, я сказал, — еще строже повторил одноногий. — Не видишь, что ли? Это же настоящий... Пусть подкормится немного. Да и шум нам совсем ни к чему; чего доброго, на твои вопли еще Борисыч явится, тогда хлопот не оберешься.

С шумом втянув в легкие воздух, скорчив недовольную физиономию, парень отошел к своему месту и недовольно отвернулся к стене. Бомж все так же молча поправил на себе лохмотья, опустил в карман монетку, не взглянув даже, насколько велика была ее покупательская способность, и, улыбнувшись, кивнул так вовремя появившемуся заступнику. А одноногий, усевшись с ним рядом на заплеванный пол, помолчал немного, пожевал папироску и лениво спросил:

— Чего молчишь? Немой, что ли?

— Нет, — впервые разомкнув изъеденные язвами губы, нехотя пробормотал бомж. — Просто голодный.

— Ну, это беда поправимая. Сейчас вот мы кликнем кого-нибудь... да вот хоть Сашку, — и он кивнул мальчику, который уже несколько минут отирался рядом с ними, с любопытством глядя на разворачивавшуюся сцену. — Давай-ка, малец, сообрази нам шаурмы какой-нибудь или там шашлычка немного. Скажи Зауру, пусть не жметя: это для меня лично, все за мой счет.

И, подождав, пока мальчишка исчезнет из поля зрения, неожиданный благодетель вновь повернулся к незнакомцу.

— Так что у тебя с лицом? — спросил он как ни в чем не

бывало, без всякой брезгливости разглядывая испещренную ранами кожу.

— Я не знаю.

— Не знаешь или не помнишь?

— Не помню, наверное, — бомж пожал плечами. — Помню только, как жегся огонь... Было больно.

— А-а, — понимающе кивнул одноногий. — Пожар, стало быть, приключился. И где это было?

— Не здесь. Далеко отсюда? — Бомж по-прежнему еле шевелил губами, точно каждое слово приносило ему нестерпимую боль, а каждое воспоминание — душевную муку.

— Не в Москве?

— Нет. На Черном море.

— На Черном море?! — непритворно изумился спаситель. — Так как же тебя сюда-то занесло? Не ближний ведь свет!

Бомж молчал, привалившись к стене и уставясь в одну точку. Сотни ног шаркали мимо него по подземному переходу, и их равнодушный шелест напоминал ему какое-то давнее, хорошо знакомое, даже любимое ощущение. Ну да, конечно! Вот точно так же шелестели и шумели, накатываясь на него и снова убегая прочь, волны... Так же однотонно гудело море... Так же скучно и долго шуршали страницы большой тетради, которую листал тогда этот хмурый доктор, пока не закричал вдруг страшным голосом на женщину: «Вот только погорель-

цев без паспорта мне тут не хватало! Ты что, не знаешь, что это была за лаборатория?! Убери его отсюда!..»

Да, в лаборатории ему жилось хорошо. Много интересной работы, и хорошей еды, и отличных друзей... А потом случился пожар. И дельфины, его дельфины... они все погибли! Задыхаясь, впервые вспомнив об этом с такой непреложной болью и ясностью, он беззвучно заплакал, и одноногий нищий, все это время внимательно наблюдавший за ним, похлопал его по плечу и сказал:

— Ладно, хватит. Поешь вот пока.

Оказывается, перед бомжем уже лежали на картонной тарелке сочные, аппетитные куски мяса, распространявшие упоительный аромат. Судя по всему, одноногий был здесь кем-то вроде предводителя; во всяком случае, неведомый Заур приготовил для него и его гостя кушанье по первому разряду. А бомж даже и не заметил, когда ему принесли еду; голод, как ни странно, отступил перед внезапно нахлынувшими воспоминаниями, и, торопясь и перебивая сам себя, он вдруг заговорил, глотая слова:

— Там выгорело все дотла. Многие погибли. Меня обожгло, поранило... Мне было плохо.

— Так ты не заразный?

— Нет. Правда, в больницу меня не взяли, но медсестра дала мне одежду и проводила на вокзал. Сказала, что теперь я могу ехать домой, в Москву, к своим родным.